

Маматова Л.Х. Многонациональное советское киноискусство. М., 1982.

Юренив Р. Новаторство и традиции советского кино. М., 1965.

Юренив Р.Н. Советское киноискусство тридцатых годов. М., 1997.

Altstadt A.L. The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule. Stanford, 1992.

Heyat F. Azeri women in transition: women in Soviet and post-Soviet Azerbaijan. L., N.-Y., 2002.

Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community. Cambridge, 2004.

Е.Л. Капустина

ТАЛЫШИ ИРАНА: СУДЬБА ТРАДИЦИОННЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАКТИК И ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Талыши Гиляна зачастую воспринимаются как горцы-скотоводы. Однако уже давно одной из важных отраслей хозяйства для них является земледелие, в частности типичное для региона рисоводство. Рисовые поля простираются до самых предгорий. Гектар земли под посадку риса называется *джириб*, сам участок называется *биджѳра кия*. Каждая семья в среднем владеет участками от половины (*ним джириб*) до нескольких гектаров.

В качестве примера дается описание из д. Туса Кия. Сезон начинается в месяц *ордибехешт*, в середине апреля, хотя почву начинают готовить на месяц раньше. Сначала рыхлят землю трактором, потом приходят мужчины и размечают границы участков. Внутри кия или на участках перед домом в парниках высаживается рассада риса, затем проросшие кустики рассаживают по полю, преимущественно это делают женщины. Через 15 дней после посадки рис приходят проверять и выдергивают слабые всходы, эта проверка называется *виджин*. Еще через 15 дней сельчане опять приходят на проверку — *добарэ*. Потом рис оставляют вызревать на два месяца. Урожай снимают раз в год, он поспевает к концу июля. Жатву проводят при помощи специального устройства на двигателе — *харман куба*, а еще 50 лет назад для этого исполь-

зовали палку *гунин*. Потом везут рис на ближайший завод и там обмолачивают, платя за это 5 % урожая. Когда не было завода, рис молотили на молотилке *падинг*, работавшей от воды. На всю деревню был один *падинг*, и каждый сельчанин сам обрабатывал свой урожай. Излишки риса крестьяне продают все на тот же завод.

Для рисоводства первоочередной задачей является обеспечение полива. Вода поступает на поля как с осадками, так и по каналам. Однако в самые жаркие летние месяцы возникает угроза ее нехватки. Для этого организовываются общественные водоемы для хранения воды — *сели* (в Ассалеме — *били*). Контроль над использованием воды осуществляется государственными службами. Непосредственно распределением воды занимается специальный человек — *устравар*. Его задача — правильно распределить воду из селя в самый засушливый месяц лета между всеми рисоводами. Работу *уставара* контролирует *джосалар*, его работу — *абьяр*, а того соответственно — *мираб*. Последние три получают плату от государства, а *уставару* платят деньги непосредственно жители деревни, которыми он избирается ежегодно.

Еще 50 лет назад земли в селении принадлежали *арбабам* — землевладельцам, на которых работали *райаты*, арендовавшие земельные участки. За несколько лет до исламской революции в Иране прошла земельная реформа, по итогам которой земля была распределена между всеми гражданами. Землю продают и покупают, хотя большая часть купленной тогда пастбищной горной земли перешла вскоре в ведение государства.

Помимо риса местные жители выращивают чай, оливки (особенно вблизи Рутбара), овощи и фрукты.

Как правило, те, кто выращивает рис, держат и домашний скот: от нескольких овец и одной или двух коров до нескольких десятков овец. Рисовая солома с полей идет на корм скоту. В качестве крупного скота здесь традиционно выступали зебу, хотя в последнее время их держат все меньше.

В Туса Кия некоторые держат скот в совместной собственности с соседями (необязательно родственниками). Кто-то из соседей держит корову и ухаживает за ней, другой отвечает за корм

и т.д. Молоко делится поровну, телята продаются на мясо, выручка делится пропорционально затраченным средствам и труду.

Если скота в хозяйстве больше, то, как правило, семья отправляет его на *яйлагһ* — место летней перекочевки. *Яйлагһ* в горах называется *гирия*, в среднегорье — *минанку*.

Традиционный скотоводческий цикл можно проиллюстрировать на примере *яйлагһа* Маташ в Ассалеме. В этом *гирия* в летний сезон проживает около 500–600 семей, из них активно занимаются скотоводством лишь 10–15 хозяйств. Например, у одного из таких скотоводов сейчас 300–400 голов коз и овец. Весной (14 числа месяца фарвардин) скотоводы приводят стада из своей деревни Кыласыра в *минабандт* — среднегорную *гирия*, здесь они остаются на два месяца. Затем они поднимаются еще выше, в *бандт*, где пасут стада четыре месяца. И там, и там у них имеются жилища. После этого скотоводы возвращаются в *минабандт* и остаются там около 25–30 дней. Все это время вместе с мужчинами находятся и члены их семей. После осенней остановки в *минабандт* женщины сразу спускаются в деревню, а мужчины откочевывают в место осеннего пастбища, *пайза чар*, где пасут скот до конца осени. На зиму они возвращаются к себе в деревню, где скот содержится в загонах, а днем выпасается в местном лесу.

Как правило, определенная семья выгоняла скот на свой *гирия*, который мог находиться в совместном пользовании нескольких семей, которые могли не являться друг другу родственниками. У каждой семьи на *гирия* был свой дом и отгонные участки. Последние были в частной собственности, но границ не было, каждая семья знала, где ее участок, и пасла скот там. Овец держали каждый в конкретном месте, коровы свободно паслись везде. В *гирия* чаще всего не было земельных споров, поскольку пастбищ было много. В среднегорном *минанку* подобные споры случались, так как земли были более удобны и их не хватало, в *яйлагһах* на *минанку* люди огораживали свои участки.

В некоторых деревнях долгое время существовала практика совмещения рисоводства и скотоводства с использованием яйлажных пастбищ.

Однако в последнее время все больше бывших скотоводов поднимаются в *гирия* вовсе не для выпаса овец. В том же *гирия*

Маташ подавляющее большинство летних жителей являются *хошнешин* — теми, кто просто выезжает в *ййлагһ* в период летних месяцев, спасаясь от жары. В горах они либо просто отдыхают, либо высаживают огородные культуры. После 45-го дня лета они, как правило, возвращаются в равнинные села.

Происходит это в том числе и потому, что в последнее время занятие скотоводством стало менее выгодным — мясо завозится из-за рубежа. Однако гораздо более существенной причиной сокращения численности стад у талышей и того, что многие вовсе перестают заниматься скотоводством, является новая земельная политика властей. Более 10 лет назад леса в горах были объявлены государственной собственностью и было решено защищать их от потравы скотом. Государственные службы считают, что скотоводы портят лес, поэтому по экологическим соображениям большинство горных пастбищ было для них закрыто и талыши не могут больше пасти там скот (причем порой на огороженной территории лес вообще не растет). За нарушение границ ограживания скотоводы вынуждены платить штрафы.

Талышам была оставлена в собственность только земля вокруг домов. Однако многие информанты отмечали, что лес, охраняемый от скотоводов, активно вырубается лесозаготовительными компаниями, что позволяет видеть в этой политике не только и не столько заботу об экологической обстановке региона, сколько выгоду государства и / или крупных корпораций от продажи ценных пород дерева. «Они используют в качестве предлога для вырубки то, что на самом верху горы якобы есть полезные ископаемые, до которых можно добраться, только вырубив лес. Потом их не добывают. У талышей же всегда было уважение к лесу, они берегли лес. Каждый знал, что этот лес принадлежит этой семье, тот — другой, и никто в чужом лесу даже веточки не рубил» [ПМА 2012].

Государство выплачивает компенсацию за землю тем, кто решил покинуть горы — около 20–30 млн туманов. Эта сумма заставляет многих навсегда переселяться в города. Субсидии на скот также прекратили выплачивать несколько лет назад. Фактически происходит выталкивание горцев-скотоводов на равнину. «Рань-

ше говорили: “Эта гора моя”, “Эта земля моя», теперь все это государственное. У государства есть большой проект “*Sāmandehi*” (перевод — «организация», «распределение»). Наши знакомые, которые занимаются экологией, говорят, что этот проект “жжет дома”, т.е. выталкивает население с гор» [ПМА 2012].

Были случаи, когда талыши сами поджигали леса («Все равно они нам уже не принадлежат»). Сейчас талыши, которые упорствуют и продолжают заниматься скотоводством, сталкиваются со сложностями. Государство заявляет: «Вам принадлежит только трава», при этом пасти можно только в определенное время и определенное количество скота.

В итоге за последнее десятилетие объем животноводства в горах сократился, многие перешли на рисоводство и уже не поднимаются на *гирия*. Тем, у кого не было поля и кто был не в состоянии купить рисовое поле, приходится арендовать его у равнинных жителей, — они спускаются к гиялкам и арендуют поля. Многие бывшие скотоводы идут работать на заводы, водителями, а также вовсе уезжают в города, забрасывая сельское хозяйство и становясь маятниковыми мигрантами.

Судя по полевым данным, у талышей существует разделение скотоводов на тех, которые держат только коров, и тех, у кого есть и овцы, и коровы. Первых, по сообщениям наших информантов, принято называть *голешами* (*галешами*) — *гол* в североиранских диалектах обозначает «крупный рогатый скот». Вторые могут называться *дамдар* — «скотовод» (д. Кыласыра), *дегхеу* — «горец» или просто талыш.

Таким образом, можно подумать, что галеша — это хозяйственная категория внутри талышской этнической группы, а называться галешом — значит определять свою хозяйственную идентичность. Например, в одном из разговоров наш переводчик, талыш, упомянул, что привезет нас к сыну своего дяди, который уже около десяти лет не держит скот, но все еще считается галешом.

Однако если обратиться к данным статьи А.М. Решетова из энциклопедии «Страны и народы», то можно прочесть следующее. «Галеші (*galesh* в пер. «пастух крупного скота») — народ,

проживающий в горных районах на юго-западе провинции Гилян в Иране. **Являются субэтнической группой народа гилянцев** (выделено мною. — *Е.К.*). Численность 40 000 человек. Ведут полукочевой образ жизни» [Решетов 1998: 131].

Еще более запутанной выглядит ситуация после следующей цитаты. В статье из сборника «Введение в историю и культуру талышского народа» галеша обозначаются как этносоциальная группа кочевых или полукочевых **талышей**-скотоводов, имеющая собственную духовную культуру и диалект, смесь талышского с гилянским [Введение... 2011: 89].

Так кто такие галыши: талыши с определенным типом хозяйства, «субэтническая» группа талышей со своим диалектом или «субэтническая» группа гилянцев?

Вот как отвечают на вопрос информанты: «Мы себя воспринимаем талышами. Гольши — часть талышского общества». «Всех, кто говорит на талышском, называют талышами. Всех, кто живет вне горной части, называли галешами. Из тех, кто живет внутри горной части, галешами называли только тех, у кого были коровы» [ПМА 2012].

Таким образом, судя по всему, для талышей слово «галеша» действительно подразумевает принадлежность к определенному типу ведения хозяйства. В этом ключе помимо галешей актуален еще один вариант хозяйственной идентичности — *гилямард*, земледелец (*гиль* — «глина»). «Мы *гилямард*, так как занимаемся земледелием» [ПМА 2012]. Все те, кто находится в *гилуне* (на равнине), все *гилямард*. И гиляков, и талышей называли гилямардами, т.е. «мужчинами гилуна». Им могли противопоставляться скотоводы. «На равнине — земледельцы; в горах — и талыши, и гольши; на равнине — талыши; у нас в Фумане у человека уже нет коров и овец, он земледелец — он гилямард, но все знают, что он талыш» [ПМА 2012].

Итак, галеша — это хозяйственная идентичность. Однако как быть с упоминанием о том, что галеша — субэтническая группа гилянцев (гиляки)? По сообщениям информантов, на востоке Гиляна есть свои галеша, они говорят на гилякском, язык называют гилякским, но себя гиляками не считают. Наши информанты-та-

лышы склонны воспринимать гилякоговорящих галешей близкими к талышам: «Мы в горах — в одном доме — мы как часть одной семьи, <...> мы в одной тарелке» [ПМА 2012]. Но все же не талышами!

Вот еще цитата из интервью: «Если спросить у гиляков, живущих по ту сторону р. Сефедруд о голешах, на каком языке говорят они, горные, то те ответят: “На голешах”. На вопрос, гиляки ли они, они с обидой ответят, что нет, они **галешах, а не гиляки**, а гиляки живут на равнине. Их язык отличается от обычного гилякского» [ПМА 2012].

Таким образом, помимо талышских галешей, не занимающихся овцеводством и живущих на равнине скотоводов, есть и гилякоговорящие галешах, в отличие от гиляков живущие в горах, не называющие себя гиляками, но и не относящие себя к талышам. Именно о них, скорее всего, шла речь в статье А.М. Решетова. Т.е. в одном случае галешах — принадлежность к определенной хозяйственной стратегии, в другом — обозначение своего языка, и на противопоставлении — определение себя как этнотерриториальной группы (галешах в горах, гиляки на равнине).

В качестве примера можно привести рутбарцев, жителей деревень вблизи г. Рутбар. Рутбарцы не называют себя татами, но язык свой называют *tāti rutbari* или *галешах*. При этом рутбарцы называют себя рутбарцами, но не татами и не талышами. В так называемых татских анклавах жители могут сказать про себя, что они галешах и тата. Или что они разговаривают либо на голешах, либо на tāti.

Подобный пример является яркой иллюстрацией неоднозначного набора идентичностей как внутри талышской общности, так и среди соседей талышей, где этническая, хозяйственная и языковые идентичности порой трудноразделимы.

Источники

ПМА — Полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиционной поездки 2012 г. в остан Гилян, Исламская республика Иран, совместно с И. Абиловым, Е. Гуляевой и Е. Захаровой.

Библиография

Введение в историю и культуру талышского народа. Ереван, 2011.

Решетов А. М. Галешы // Народы и религии мира / Глав. ред. В.А. Тишков. М., 1998.

Н.Г. Краснодембская

ОБ ОБЫЧАЯХ ГОСТЕПРИИМСТВА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В настоящей статье я хочу обратиться к воспоминаниям о своем посещении Ташкента и Самарканда в середине 80-х годов прошлого века. Это была командировка от МАЭ, но рассказать сегодня я хочу не об этом, а о живых и запавших мне в душу наблюдениях, полученных тогда непосредственно из местной жизни.

Я не являюсь специалистом по Центральной Азии, но этот край (точнее тот регион, что мы привыкли называть Средней Азией) в определенной степени был знаком мне (и даже любим мною) с раннего детства. Прежде всего, с ним была связана история семьи моего отца.

Реалии среднеазиатской жизни нередко фигурировали в разговорах и воспоминаниях нашей ленинградской семьи. И мне самой привелось побывать в этих теплых краях уже в раннем возрасте. Шла Отечественная война, мы с мамой и бабушкой (матерью отца) находились в эвакуации в Томске, и там в возрасте трех лет я заболела полиомиелитом в очень тяжелой форме. Врачи делали все, что могли, а маме сказали: очень полезны были бы солнце и фрукты. И мама повезла меня в Среднюю Азию. Ей помогли на работе: выдали командировочное удостоверение (без него нельзя было бы покинуть Томск), а у нее в Каттакургане Самаркандской области жила в ссылке старшая сестра с двумя дочерьми. Одна из них работала там врачом. Мы проезжали через Ташкент и даже остановились в городе на пару дней у старых знакомых бабушки и деда.

Горячее солнце, сухая земля, всеобъемлющее тепло, арыки с прозрачной водой, виноградные лозы, гроздья янтарных ягод в больших корзинах (подарки моей старшей родственнице от из-